временщика. Интересно заметить, что историки знают на основании современных событиям памятников, что человеком, особенно недолюбливавшим «некоего священника у Благовещения», был как раз Висковатый.¹⁰¹

Но Висковатый не столько не любил Сильвестра (у нас нет об этом данных), сколько он был его идейным противником. Надо вспомнить, что Висковатый являлся ярким, смелым и умным представителем той новой социальной группы в сложном организме Московского государства, которая — по раздосадованным замечаниям Курбского — избиралась царем «не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства». Эта группа — московская бюрократия, «писари русские», которым царь «зело верит» и иногда из них «творит вельмож своих».¹⁰² Еще резче характеризует их роль убежавший в Литву Тимофей Тетерин в послании М. Я. Морозову: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».¹⁰³

Висковатый, кажется, татарского происхождения, едва ли мог быть «из поповичей», но землей он владел, получая ее за свою неустанную и ценную «государскую» службу.¹⁰⁴ Своим выдвижением в главы Посольского приказа и на дальнейшие посты он был обязан своими блестящими дарованиями, устремленными к главной цели служения государству. Грозный умел ценить таланты: немудрено, что отлично знавшие московскую верхушку ливонские авантюристы Таубе и Крузе имели все основания считать, что Иван IV «любил главного канцлера Ивана Висковатого, как самого себя».¹⁰⁵ К тому же, Висковатый по своим взглядам был типичный человек своего времени с цельным религиозным мировоззрением и большой политической консервативностью. Висковатый был начитан в церковной литературе, зная не только элементарную «обиходную» премудрость, но и деяния вселенских соборов, и сочинения отцов церкви, и «Синодик на неделю православия», на который он весьма раз ссылался во время своих богословско-иконописных споров и который — интересно отметить — был также в библиотеке Грозного.¹⁰⁶

¹⁰¹ См., например: С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 338; А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в., стр. 195—196. Одним из первых этот момент личной вражды Висковатого в отношении Сильвестра отметил Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 845): «Образ поведения Висковатого весьма дает подозревать, что он находился с Сильвестром во вражде и хотел навлечь на любимца государева беду» (Писавшие еще раньше Е. Е. Голубинского Д. П. Голохвастов и архимандрит Леонид (Благовещенский) перья Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, М., 1874, кн. 1, стр. 24) считали выступление Висковатого «изветом» на Сильвестра и на второго благовещенского священника Симеона, прикрытым «ревностью к вере». Однако работа Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонида рисует идеализированный образ Сильвестра и весьма мало критична как раз по интересующему нас пункту.

¹⁰² Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 43.

¹⁰³ Послания Ивана Грозного, стр. 537.

¹⁰⁴ У него были вотчины в Переяславском уезде, одно поместье в Коломенском (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 258, примечание). В вотчине (сельцо Храбтово со многими деревнями) были «боярские» дом и сады (П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины, стр. 152—153).

¹⁰⁵ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, стр. 51.

¹⁰⁶ Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого. — *Seminarium Kondakovianum*, V. Praha, 1932, стр. 220, прим. 161. Основная часть «Синодика на неделю православия» выражает «торжество православия» над иконоборчеством. Отсюда понятно, почему на этот Синодик особенно упорно ссылался Висковатый: он как бы усматривал в новых неканонических, по его мнению, сюжетах икон, создававшихся «у Благовещенья» под руководством Сильвестра, некую новую форму упразднения икон. По-видимому, поль-